

В. Г. Белинский

Русская литература в 1843 году

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская литература в 1843 году

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824525*

Аннотация

Белинский начинает с утверждения, что литература находится в состоянии кризиса, книг выходит так мало, что нечего читать. Некоторые объясняют создавшееся положение тем, что толстые журналы поглощают книги. Критик определяет причины «кризиса» литературы значительно глубже. Дело в том, что читатель сороковых годов предъявляет к литературе более высокие требования, чем читатель двадцатых годов. И «литературные сокровища» той эпохи теперь уже не могли бы никого удовлетворить. За два десятилетия русская литература совершила громадный скачок в своем развитии.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский Русская литература в 1843 году

Литература наша находится теперь в состоянии кризиса: это не подвержено никакому сомнению. По многим признакам заметно, что она, наконец, твердо решилась или принять дельное направление и недаром называться «литературою», или, как говорит у Гоголя Иван Александрович Хлестаков, *смертию окончить жизнь свою*. Последнее обстоятельство, прискорбное для всех, было бы очень горестно и для нас, если б мы не утешали себя мудрою и благородною поговоркою: *все или ничего!* В смиренном сознании действительной нищеты гораздо больше честности, благородства, ума и мужественного великодушия, чем в детском тщеславии и ребяческих восторгах от мнимого, воображаемого богатства. Из всех дурных привычек, обличающих недостаток прочного образования и излишество добродушного невежества, самая дурная – называть вещи не настоящими их именами. Но, слава богу, наша литература теперь решительно отстает от этой дурной привычки, и если из кое-каких литературных захолустий раздаются еще довольно часто самохвальные воз-

гласы, публика знает уже, что это не голос истины и любви, а вопль или литературного торгашества, которое жаждет при-бытков на счет добродушных читателей, или самолюбивой и задорной бездарности, которая в своей лени, апатии, в своем бездействии и своих мелочных произведениях думает видеть неопровержимые доказательства неисчерпаемого бо-гатства русской литературы. Да, публика уже знает, что это торгашество и эта бездарность, по большей части соединяю-щиеся вместе, спекулируют на ее любовь к родному, к рус-скому – и свои пошлые произведения называют «народны-ми», сколько в надежде привлечь этим внимание простодуш-ной толпы, столько и в надежде зажать рот неумолимой кри-тике, которая, признавая патриотизм святым и высоким чув-ством, по этому самому с большим ожесточением преследует лжепатриотизм, соединенный с бездарностью. Публика зна-ет, что ей уже нечего искать в романах и повестях из русской истории или преданий старины, ибо она знает, что русская история и русская старина сами по себе, а таланты наших со-чинителей и взгляд их на вещи – сами по себе, и что русский быт, исторический и частный, состоит не в одних только рус-ских именах действующих лиц, но в особенностях русской жизни, развившейся под неотразимым влиянием местности и истории, – так же, как патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к ро-дине, которое умеет высказываться без восклицаний и обна-руживается не в одном восторге от хорошего, но и в болез-

ненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно, во всяком отечестве. Больше же всего и яснее всего публика сознает, что ей нечего читать, несмотря на *восстание* и *воздвижение* разных непризванных оживителей и воскресителей русской литературы и несмотря на громкие возгласы их хвалителей. Это истина неоспоримая. Книгопродавцы то и дело выпускают в свет объявления о новых книгах, которые они издали и которые они намерены издать, – объявления, печатаемые на листах чудовищной величины, гигантским и мелким шрифтом, без политипажей и с политипажам, и с великолепными похвалами этим книгам, написанными книгопродавческим слогом; возвещаемые книги действительно выходят в свет и продаются по объявленным ценам, – а читателям от этого не легче, потому что читать все-таки нечего! Библиографы и рецензенты в отчаянии: им совсем нет работы, нечего разбирать, не над чем потрунить, да нечего и похвалить; в беллетрических книгах картинки хороши или сносны, а текст плосок до того, что не за что зацепиться; потом большая часть книг всё учебники, изредка хорошие, но чаще невинные и в добре и в зле. Отделение библиографии в журналах со дня на день теряет свою занимательность в глазах публики, которая всегда читала рецензию с большею жадностью, большим вниманием и большим удовольствием, чем самую книгу, на которую написана рецензия. Журналы также в отчаянии; им остается разбирать только друг друга: занятие невинное и забавное, кото-

рое, впрочем, едва ли может занять публику больше преферанса и домашних сплетней!

Куда ж девались наши книги? где же наша литература?

«Да их поглотили *толстые* журналы!» кричат со всех сторон. «Каких книг, какой литературы хотите вы, если любая книжка толстого журнала в состоянии поглотить в себя литературный бюджет целого года?»

А! вот в чем зло: толстые журналы виноваты!

Но сколько же у нас издается толстых журналов? – Два: «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения».

Попробуем поверить *фактически* справедливость этого *умозрительного* обвинения.

«Отечественные записки» состоят из *восьми* отделов, из которых целые *пять* совершенно невинны в поглощении русских книг; мы говорим об отделах «Современной хроники России», «Критики», «Библиографической хроники», «Иностранной литературы» и «Смеси», в которые никоим образом не могут войти статьи в книгу величиною или статьи, которые могли б быть изданы отдельно и не были рождены срочною и дневною потребностью журнала. В отделах: «Наук и художеств» и «Домоводства, сельского хозяйства и промышленности вообще» иногда входят статьи до того огромные, что могли бы составить порядочной величины книгу; таковы были в отделе «Наук и художеств» «Отечественных записок» 1841 года статьи «Альбигойцы и крестовые против них походы», «Греция в нынешнем своем со-

стоянии» (1841), «Гёте» (1842), «Средняя Азия, по новейшим исследованиям Гумбольдта» (1843) и др. и в отделе «Домоводства, сельского хозяйства и промышленности вообще» «Отечественных записок» 1842 года огромная статья г. Сабурова «Записки пензенского земледельца о теории и практике сельского хозяйства». Каждая из этих статей есть большая книга; но, во-первых, таких больших статей немного бывает в журналах; а во-вторых, они своим появлением в печати обязаны только журналу. Упомянутые статьи в отделе «Наук» – переводные или сокращенные из нескольких книг, изданных на иностранных языках: «Отечественные записки» никому не помешали бы перевести или составить их и издать в свет, тем более что некоторые из этих сочинений изданы были в подлиннике несколько лет назад, – и однакож, никто и не подумал приняться за них. А почему? – да потому, что в журнале их прочли все читающие журнал, а явись они отдельною книгою, то переводчик или составитель остался бы вознагражденным, издатель в убытке, и прекрасное сочинение было бы прочитано много-много несколькими десятками человек; для большинства же публики они остались бы вовсе неизвестными. И мало ли на французском и немецком языках хороших исторических сочинений, которые соединяют в себе ученость содержания с популярностью изложения? Кто же мешает их кому-нибудь переводить и издавать? Неужели толстые журналы? Ведь они, кажется, не пользуются правом монополии ка-

сательно переводов иностранных сочинений? Притом же все наши журналы, без исключения, грех обвинить в скорости и поспешности, с которою они представляли бы в переводах своим читателям новые учено-популярные иностранные сочинения и которая препятствовала бы кому-нибудь переводить и издавать их отдельно. Что же касается до статьи г. Сабурова, то и ей ничто не мешало явиться отдельною книгою, кроме разве естественного для книги желания – быть прочитанною не ограниченным числом присяжных любителей книг такого содержания, а целою публикою... Теперь остается один отдел, на который в особенности должно падать обвинение в поглощении книг и литературы: это отдел «Словесности», где помещаются стихотворения, повести и другие беллетрические статьи. Но, во-первых, стихотворений в нынешних журналах, и толстых и тонких, печатается немного, потому что посредственных никто не хочет читать, хорошие же редки, а превосходных, после Лермонтова, уже никто не пишет; во-вторых, в отделе «Словесности» помещаются не одни русские повести и романы, но и переводные, и самые большие всегда бывают переводные; в-третьих, ни тем ни другим никто не мешал бы являться отдельными книгами, если б они сами этого захотели, ибо, повторяем, толстые журналы не пользуются правом монополии для печатания оригинальных и переводных романов и повестей.

Все сказанное об «Отечественных записках» можно приложить и к «Библиотеке для чтения»: слишком большие ста-

ты и в ней помещаются изредка в отделах «Наук и художеств» и «Промышленности и сельского хозяйства», – чаще в отделе «Русской словесности», и очень часто в отделе «Словесности иностранной», где переделываются на русский язык иностранные повести и романы.

Многочисленны же должны быть русские книги и богата же должна быть русская литература, если они целиком поглощаются тремя отделами двух журналов, – тремя отделами, состоящими наполовину из *переводных* статей!!.

Однакож, скажут нам, до существования толстых журналов книг выходило гораздо больше!..

Это справедливо; но причина этого не в толстых и не в тонких журналах. Для книг ученого содержания у нас нет еще публики, и наши ученые, если б они много писали и много издавали, делали бы это для собственного удовольствия и сами были бы и читателями и покупателями собственных своих книг. Это факт, против очевидной действительности которого не устоят никакие фразы и возгласы, как бы ни были они великолепны. Ученая литература наша всегда была до того бедна, что странно было бы и называть ее литературою, как странно называть библиотекою шкаф с несколькими десятками разрозненных книг. Но прежде ученых книг выходило еще меньше, чем теперь. И все лучшее по этой части является теперь только или через прямое посредство правительства, или под его покровительством, особенно книги специального содержания, как то: исторические акты, сочи-

нения по части статистики, по части инженерной, горной, и т. п. Сочинения медицинские более независимы, и потому врачебная литература, в сравнении с другими, более богата, ибо в значительном (по числу своему) сословии врачей все же есть люди, более или менее следящие за ходом науки, которая по крайней мере дает им хлеб. Учебные книги у нас можно издавать только при условии, чтоб они были приняты в руководство в казенных учебных заведениях. В последнее время учебная литература обогатилась многими хорошими книгами, из которых первое место, по достоинству, занимают руководства, изданные для военно-учебных заведений. Итак, при всей бедности ученой и учебной литературы, настоящее время все-таки имеет большое преимущество перед прежним, когда истории г. Кайданова, географии Зябловского, грамматики г. Греча и риторики гг. Толмачева и Кошанского считались отличными учебниками. Что касается до собственно беллетристической литературы, или, как ее называют иначе, — *изящной словесности*, в прежнее время, то есть от двадцатых до сороковых годов, она казалась столь же богатою и процветающею, сколько теперь кажется бедною и увядающею. Но если она казалась богатою, из этого не следует, чтоб она и была богата в самом деле. В двадцатых годах публика была в восторге от избытка литературных сокровищ. Но в чем состояли эти сокровища? В крошечных альманахах, наполненных крошечными отрывками из крошечных поэм, крошечных драм, крошечных повестей,

которым, большею частию, никогда не суждено было явиться вполне, то есть с началом и концом. Вспомните, сколько, бывало, шума и радости производило появление «Северных цветов!»^[1] А что было в них? Две-три новые пьесы Пушкина или Жуковского, которые, конечно, были бы всегда драгоценными перлами во всякого рода изданиях; но, вместе с ними, с восторгом равно детским читались, перечитывались, учились наизусть и переписывались в тетрадки стихотворения и других поэтов, из которых одни были точно с замечательными талантами, а другие вовсе без таланта, владея гладким стихом и модною манерою выражать бывшие тогда в моде чувства уныния, грусти, лени, разочарования и тому подобное. Сверх того, в «Северных цветах» были литературные обозрения г. Сомова, аллегории г. Ф. Глинки, даже статьи Владимира Измайлова. В наше время такие альманахи уже невозможны: и самые стихотворения Пушкина или Лермонтова не заставили бы никого заплатить десять рублей за маленькую книжечку, в которой, за исключением трех-четырех превосходных стихотворений, все остальное – или посредственность, или просто вздор. Мы не говорим о других альманахах, потянувшихся длинною вереницею за «Северными цветами», как то: «Урании», «Северной лире», «Невском альманахе», «Сириусе», «Царском селе» и многом множестве других. Что же выходило тогда, кроме альманахов? – Поэмки в стихах, которых теперь и названий нельзя вспомнить, равно как и имен их сочинителей; раз-

ные драматические произведения, теперь забытые вместе с именами их производителей, да еще безобразные и чудовищные переводы поэм и романов Вальтера Скотта вместе с глупыми романами виконта Дарленкура... В таком положении была наша литература от начала так называемого романтизма до 1829 года. Лучшие и многочисленнейшие статьи в тогдашних журналах, преимущественно в «Московском телеграфе», были переводные, а оригинальные большею частью состояли из отрывков. Стихи преобладали тогда над прозою и наводняли журналы и альманахи; в то же время стихи издавались и отдельными книжками, то под именем «поэм», то под именем «собраний сочинений» такого-то. И, несмотря на то, из замечательных поэтов никто не был издан в то время. «Горе от ума» ходило в рукописи по всем краям обширного русского царства. Стихотворений Пушкина была издана только небольшая книжка в 1826 году. Настоящее издание собрания сочинений Пушкина началось уже с 1829 года. Сочинения наиболее уважавшихся поэтов того времени, как то: Баратынского, Веневитинова, Языкова, Подолинского, Козлова, Давыдова, Дельвига, Полежаева, были изданы уже в тридцатых годах¹. Итак, где же это богатство книжной производительности двадцатых годов, которое уличило бы наше время в литературной бедности? Это богатство было мнимое, призрачное; оно заключалось в новизне, кото-

¹ За исключением только первой части сочинений Веневитинова; изданной в 1829 году.

рая добродушно принималась в то время за гениальность, в отрывках, которые считались за целые великие творения, на честное слово сочинителей, – в потоке стихов, которые, благодаря гладкости, сладостной лени и унылому раздумью, принимались за поэзию. И это множество стихов являлось не оттого, чтобы поэты того времени писали много, но оттого, что слишком много поэтов писало в то время. Десять тысяч стихотворцев, написав каждый по десятку стихотворений, подарят свет такую громадою стихов, в сравнении с которою полное собрание сочинений таких плодovitых поэтов, как Байрон, Гёте, Шиллер, будет небольшая книжечка. наших поэтов грех обвинять в плодovitости: это грех, в котором они решительно невинны. Сам Пушкин, деятельнейший и плодovitейший из всех русских поэтов, писал слишком мало и слишком лениво в сравнении с великими европейскими поэтами. Но это, конечно, была не его вина: наша действительность не слишком богата поэтическими элементами и немного может дать содержания для вдохновений поэта, – так же как наш плоский материк, заслоненный серым и сырым небом, немного может дать видов для пейзажного живописца. Пушкин, впрочем, взял все, что мог взять. Но что сделали другие поэты, вместе с ним вышедшие на литературное поприще? Один из них представил публике собрание многолетних поэтических трудов в двух томиках, другие – в одном миньютюрном томике. Зато все они были изданы очень красиво и с большими пробелами. Скажут: «но ведь

достоинство поэта измеряется качеством, а не количеством написанного им». Иногда, и чаще всего, тем и другим, – отвечаем мы. Источник поэтической деятельности есть творческая натура, – и чем более одарен поэт творческой силой, тем, естественно, он деятельнее, подобно пароходу, который тем быстрее летит, чем огромнее его машина и чем жарче она топится. Неистощимость и разнообразие всякой поэзии зависит от объема ее содержания: и чем глубже, шире, универсальнее идеи, одушевляющие поэта и составляющие пафос его жизни, тем, естественно, разнообразнее и многочисленнее его произведения: тучная, богатая растительными силами почва не истощается одною богатою жатвою, а сухая и песчаная не дает и одной порядочной жатвы. Если поэт мало писал, значит, ему было не о чем больше писать, потому что вдохновлявшей его идеи, по ее поверхностности и мелкости, едва стало на два, на три десятка более или менее однообразных, хотя в то же время более или менее и прекрасных пьесок. Вот почему, когда иной знаменитый поэт наш соберется, наконец, издать собрание своих стихотворений, всем известных прежде из журналов и альманахов, то очень должно остерегаться читать те его стихотворения, которые после издания этого сборника будет он изредка печатать в журналах. Причина очевидна: наши поэты большею частью издают собрания своих поэтических трудов как памятники, дорогие их сердцу, лучших дней их жизни, когда они любили и мечтали. Но когда человек перестает мечтать, истратив

на мечты лучшую половину своей жизни, в которую следовало бы мыслить, и когда, волею или неволею, сходится и мирится он с пошлою действительностью, за незнанием разумной действительности, открывающейся только мысли и сознанию, а не чувствам и мечтам, — тогда талант оставляет его, и в таком случае всего лучше поторопиться ему издать свои сочинения. Жаль только, что эти счастливые дети своего времени в сборнике часто являются гостями, опоздавшими на пир и пришедшими в старомодных костюмах: они бывают неприятно поражены холодным приемом даже со стороны тех самых людей, которые, пять-шесть лет назад, были от них в восторге...

Но обратимся к двадцатым годам русской литературы. В это ультраромантическое и ультрастихотворное время проза была в самом жалком состоянии. Пушкин почти ничего не писал прозою. Несколько статей Веневитинова принадлежат к прозе теоретической, а не поэтической, и в этом роде прозы было кое-что, более или менее, замечательное, кроме *мыслящих* статей Веневитинова. В сфере поэтической прозы отличались тогда трескучие эффектами и фразою повести Марлинского и приводили добродушную публику в неописанный восторг. Чтоб несколькими словами охарактеризовать бедность изящной прозы того времени, стоит только заметить, что даже и повести одного московского ученого, совершенно лишённые фантазии, нищие талантом, богатые черствою сухостию чувства и грубым циниз-

мом понятий и выражений, многим и очень многим нравились, хотя тогда же многие и смеялись над этими жалкими порождениями незаконных притязаний на талант и поэзию.^[2] После этого удивительно ли, что для большинства того времени дивом-дивным казались повести г. Полевого, чуждые всякого творчества, но не чуждые некоторой изобретательности, бедные чувством, но богатые чувствительностью, лишенные идеи, но достаточно нашпигованные *высшими взглядами*, – повести, представлявшие, вместо характеров, образы без лиц, то есть неопределенные полумысли автора, – повести, не щеголявшие слогом, но ловко владевшие фразою и не без основания претендовавшие на некоторое достоинство рассказа, обличавшее в авторе литературное образование и навык, – повести, невинные в каком бы то ни было такте действительности и способности хотя приблизительно понимать действительность, но очень и очень виновные в мечтательности и натянутом, приторном абстрактном идеализме, который презирает землю и материю, питается воздухом и высокопарными фразами и стремится все «туда» (сiahin!) – в эту чудную страну праздношатающегося воображения, в эту вечную Атлантиду себялюбивых мечтателей?.. Удивительно ли, что и люди, не принадлежавшие к большинству, считали эти повести за весьма приятное явление в русской литературе?.. Ведь тогда еще не было ни «Пиковой дамы», ни «Капитанской дочки» Пушкина, ни повестей Гоголя, ни «Героя нашего времени» Лермонтова...

Впрочем, гг. Погодин и Полевой слишком много писали повестей только с 1829 года. Этот год был довольно заметным поворотом от стихов к прозе, и нельзя не согласиться, что, считая от этого времени до 1836 года, литература наша была более оживлена и более богата книгами, чем прежде и после того. В этот промежуток времени появились «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Арабески», «Миргород» и «Ревизор» Гоголя, и сам Пушкин начал обращаться к прозе, напечатав лучшие свои повести – «Пиковую даму» и «Капитанскую дочку». Этого уже слишком довольно, чтоб не только считать это время богатым и обильным литературными произведениями, но и видеть в нем новую, прекрасную эпоху русской литературы. Числительное богатство книг и обилие литературных новинок было еще значительнее. В 1829 году г. Ф. Булгарин издал своего «Выжигина», а в следующем году – «Димитрия Самозванца». Первый из этих романов имел большой успех: он в короткое время был весь раскуплен и особенно понравился низшим слоям читающей публики, которые, поверив на слово сочинителю, не затруднились увидеть в его безличных изображениях верную картину современной русской действительности. Очевидно, что в это невинное заблуждение ввели их русские имена действующих лиц в «Выжигине», название русских городов и областей, а главное – запутанные и неестественные похождения продувного героя романа. Добряки не заметили, что все это – *старые погудки на новый лад*, как говорит пословица,

то есть дюкре-дю-менилевские романические пружины с сумароковскими нападками на лихоимство и мошенничество. При этом не должно забывать, что первые попытки в новом роде всегда принимаются хорошо. Публике того времени показался новостью – роман с русскими именами. Она забыла, что какой-то А. Измайлов, в этом отношении, предупредил г. Ф. Булгарина целыми *тридцатью* годами, ибо в его романе «Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и общества», изданном в 1799 году, действие происходит в России, герой романа называется Евгением – имя столь же русское, сколько и иностранное. Фамилия Евгения – *Негодяев*, фамилии прочих действующих лиц романа – *Лицемеркина, Ветров, Тысячников, Бездельников, Простаков, коллежский асессор Назарий Антонович Миловзоров, Воров, Подьянков, Развратин* и пр. Вероятно, эти остроумно придуманные г. А. Измайловым русские фамилии и подали г. Ф. Булгарину счастливую мысль назвать героев своего романа Воробьяниными, Ножовыми и пр. Это обстоятельство также доставило «Выжигину» значительный успех. Впрочем, «Выжигин», изобретательностью, манерою, ярким изображением характеров, движением сердца человеческого и нравственно-сатирическим направлением живо напоминая собою «Евгения» г. А. Измайлова, далеко превзошел его в правильности языка, хотя и уступил ему в живости рассказа. Публика того времени, по свойственной ей забывчивости, не догадалась также, что г. Ф. Булгарин предупрежден был, как

романист, писателем новым и даровитым, и что в 1824 году вышел «Бурсак», а в 1825 – «Два Ивана, или страсть к тяжбам» Нарезного. Эти два замечательные произведения были *первыми* русскими романами. Они явились в такое время, когда еще публика не была в состоянии оценить их, и лучшие юмористические очерки характеров и сцен простонародного быта назвала *сальностями*, а немножко таланта увидела в романической развязке «Бурсака». Все это было с руки г. Ф. Булгарину и помогло ему прослыть первым романистом на Руси. Однакож его «Димитрий Самозванец» оборвался: его убил успех «Юрия Милославского», вышедшего в свет несколькими неделями прежде «Самозванца», который, без этого прискорбного для него обстоятельства, без сомнения, получил бы еще больший успех, чем «Выжигин». Последующие романы г. Ф. Булгарина уже имели самый посредственный успех, и то благодаря только овладевшей публикою страсти к романам, которая тогда сменила ее страсть к стихам. «Петр Иванович Выжигин» имел несчастье столкнуться с «Рославлевым»: несмотря на слабость второго романа г. Загоскина, он был все-таки неизмеримо выше «Петра Ивановича Выжигина», хотя в этом романе выведен и сам Наполеон, к несчастью обрисованный столь неудачно, что его так же трудно отличить от Петра Ивановича Выжигина, как и Петра Ивановича Выжигина от Наполеона. Четвертый роман г. Ф. Булгарина «Мазепа» упал решительно, несмотря на искусную и усердную поддержку со стороны «Библиоте-

ки для чтения»: публика уже не хотела читать повторения того, что уже надоело ей в прежних романах г. Ф. Булгарина. Еще менее заметила и оценила она неподражаемый юмор сего нравственно-сатирического сочинителя, разлитый в его «Записках титулярного советника Мухина». Это было полным падением – chute complete! Мода на романы так была сильна, то есть романы так хорошо расходились в то время, что даже сочинитель множества грамматик, прочетший, по словам «Библиотеки для чтения», в корректуре всю русскую литературу, г. Н. Греч – издал довольно длинную и, соответственно с тем; довольно скучную повесть – «Поездка в Германию» и потом длинный роман, начиненный разными чудесами на манер Анны Радклеиф – «Черная женщина». Сильный в то время на поприще журналистики барон Брамбеус силился искусною и усердною рецензиею, наполненною рассуждениями о магнетизме, дать ход первому изданию «Черной женщины», ставил ее выше романов Вальтера Скотта и считал за счастье, по собственным словам его, бежать за колесницею триумфатора, то есть г. Греча. Такова была тогда романомания, что все сходило с рук благополучно и всякая сказка давала более или менее верный барыш! Но второе издание «Черной женщины», поступившее в состав вышедших в 1838 году в пяти частях «Сочинений Николая Греча», потонуло в Лете вместе со всеми пятью частями этих сочинений. После романов г. Ф. Булгарина нам тотчас же следовало бы говорить о судьбе романов г. Загоскина, которые на-

чинали являться после «Выжигина» и убили наповал все романы г. Ф. Булгарина; но после имени Ф. Булгарина как-то невольно ложится под перо имя г. Н. Греча, да и романы обоих сих сочинителей похожи друг на друга, как дети одного отца, отличаясь мертвою правильностью и грамматическою чистотою языка, при отсутствии всяких других качеств. «Юрий Милославский»^[3] был в свое время, без всякого сомнения, приятным и замечательным литературным явлением. Его действующие лица не только носят русские имена, но и говорят русскою речью, и даже чувствуют и мыслят по-русски, – что было в то время совершенно новым явлением в русской литературе. Присовокупите к этому добродушное увлечение автора, местами очень похожее если не на вдохновение, то на одушевление, рассказ плавный, не натянутый, язык не всегда правильный, как у гг. Ф. Булгарина и Н. Греча, но всегда живой, – и вы поймете причину чрезвычайного успеха этого романа. Г. Загоскин радушно, от души, со всем хлебосольством старых времен угостил русскую публику своим «Юрием Милославским». Но этим все и оканчивается. Исторического в этом романе нет ничего: все лица его списаны с простолюдинов нашего времени. Характеры, завязка и развязка романа – все обнаруживает в авторе русского драматического писателя, навывкишшего поддельную сценическую действительность почитать за зеркало настоящей русской жизни. В 1612 год он перенес отдельные сцены 1812 года, подмеченные им в деревнях, – и был убежден,

что остался верен истории. В «Рославлеве» он принялся более за свое дело – за изображение того, что видел сам на Руси в 1812 году. И если б он остался верен своему таланту и призванию – рисовать отдельные сцены и картины простонародного и помещичьего деревенского быта, – его второй роман был бы не без достоинств. Но автор почел нужным основать все на мелодраматической завязке, а главное возымел немножко смелую претензию – изобразить, словно в поэме, великий 1812 год со всем его историческим значением и характером, – и каким же образом? – через мелодраматическую любовишку, через портреты бесцветного героя, Рославлева, избитое в комедиях лицо *доброто малого* Зарецкого, через несколько добродушных оригиналов вроде Буркина и Иволгина и посредством нескольких отдельных и вымышленных сцен бородинской битвы, в которых разговаривают между собою приятели, забавные герои романа... Очевидно, что автора ввел в заблуждение непонятый им Вальтер Скотт и непонятое значение исторического романа. Как бы то ни было, но чем большего ожидала нетерпеливая публика от «Рославлева», тем меньше дождалась она. Последующие романы г. Загоскина были уже один слабее другого. В них он ударился в какую-то странную, псевдопатриотическую пропаганду и политику и начал с особенною любовью живописать разбитые носы и свороченные скулы известного рода героев, в которых он думает видеть достойных представителей чисто русских нравов, и с особенным пафосом прославлять

любовь к соленым огурцам и кислой капусте.

За г. Загоскиным вышел на литературное поприще в качестве романиста г. Лажечников. Он дебютировал историческим романом «Последний новик», действие которого происходит то в Лифляндии, то в России и действующие лица которого – немцы и русские. Это обстоятельство делит роман как бы на две стороны, из которых первая как-то лучше обрисована и занимательнее представлена автором, чем последняя. Как первый опыт в этом роде роман г. Лажечникова слишком полон и многоречив, во вред художественной соразмерности и пропорциональности; но, несмотря на этот недостаток, он необыкновенно жив, как всякий плод слишком горячей и запальчивой деятельности. Второй роман г. Лажечникова «Ледяной дом» уже не столько сложен и юношески горяч, как «Последний новик», зато более строен и прост, без ущерба занимательности; а некоторые главы, как, например, «Соперники» и «Родины козы», могут считаться украшением не только «Ледяного дома», но и замечательными произведениями русской литературы. В «Басурмане» очень удачно сделан очерк характера Иоанна III и вообще хороши те сцены, где автор выводит это грозное и великое лицо русской истории.^[4] Во всем остальном нельзя сказать, чтоб автор очень удачно воспользовался прекрасно придуманною основою своего романа – представить противоположность европейского элемента жизни азиатскому и нарисовать потрясающую сердце картину гибели челове-

ски развившегося и образованного существа, сделавшегося жертвою диких нравов, среди которых забросила его судьба. Вообще, скажем откровенно, романам г. Лажечникова особенно вредят два обстоятельства. Во-первых, автор не довольно отрешился от старого литературного направления – видеть поэзию вне действительности и украшать природу по произвольно задуманным идеалам. Оттого в его русских романах есть что-то не совсем русское, что-то похожее на европейский быт в русских костюмах. Такова, например, любовь Волынского к Мариориче, неверная исторически и невозможная поэтически по ее несообразности с климатом, местностью и нравами. Она как будто из Италии или Испании приехала в Петербург, чтоб доставить автору несколько эффектных сцен. Что же касается до *украшения природы*, – оно не есть исключительная принадлежность псевдоклассицизма; переменились слова, а сущность дела осталась та же для многих нынешних поэтов, – и псевдоромантик Виктор Гюго еще с большим усердием, по-своему, украшает природу в романах и драмах, чем украшали ее псевдоклассики Корнель, Расин и Вольтер. Второй недостаток романов г. Лажечникова, имеющий тесную связь с первым, – это неровный, как будто неправильный и тяжелый язык. Многие по этому случаю упрекали г. Лажечникова в неумении писать по-русски и незнании русского языка: обвинение смешное и нелепое, достойное грамматистов-рутиньеров! Нет, не от незнания языка, не от неспособности владеть им г. Лажечников

пишет неровным слогом; даже не оттого, что будто бы он не занимается его отделкою, а разве оттого, что он слишком занимается отделкою и еще от ложной манеры, которую многие наши писатели, волею или неволею, сознательно или бессознательно, больше или меньше, заняли у Марлинского и которая заставила их пещись больше об эффектной красоте, чем о благородной простоте, строгой точности и ясной определенности выражения. Во всяком случае, русский роман, начатый г. Загоскиным, в произведениях г. Лажечникова сделал большой шаг вперед, – и если романы г. Загоскина проще, наивнее и легче романов г. Лажечникова, зато романы последнего далеко выше по мысли и вообще гораздо удовлетворительнее для образованного класса читателей. Нельзя не пожалеть, что г. Лажечников не избегнул общей участи многих русских писателей – замолчать после двух или трех опытов и лишит публику надежды дожидаться от него чего-нибудь такого, что напомнило бы его первые опыты, столь много обещавшие...

Если речь зашла о прозаиках-романистах этой эпохи, то было бы несправедливо умолчать о г. Вельтмане. Он дебютировал забытым теперь «Странником» – калейдоскопическою и отрывочною смесью в стихах и прозе, не лишенною, однакож, оригинальности и казавшеюся тогда занимательною и острою. Потом он издал какую-то поэму в стихах. Первым и, по обыкновению большей части русских писателей, лучшим его романом был «Кашей Бессмертный»^[5] – странная, но по-

этическая фантазмагория. Надо сказать правду, у г. Вельтмана несравненно больше фантазии, чем у романистов, о которых мы говорили выше, и потому он гораздо больше поэт, чем они. Но его фантазии достает только на поэтические места; с целым же произведением она никогда не в состоянии управиться. Оригинальность фантазии г. Вельтмана часто сбивается на странность и вычурность в вымыслах. Прочитав его роман, помнишь прекрасные, исполненные поэзии места, но целое тотчас изглаживается из памяти. К романическим и поэтическим вымыслам г. Вельтман примешивает какой-то археологический мистицизм и вносит свою страсть к этимологическим объяснениям исторических и даже доисторических вопросов. Все это очень безобразит его романы. Туманность и неопределенность в вымыслах и характерах также принадлежат к недостаткам романов г-на Вельтмана. Каждый новый его роман был повторением недостатков первого, с ослаблением красот его. Все это сделало то, что г. Вельтман пользуется гораздо меньшею известностью и меньшим авторитетом, нежели каких бы заслуживало его замечательное дарование.

Почти в то же время явились на сцену и другие романисты, имевшие больший или меньший успех, как, например, г. Ушаков, которого «Киргиз-Кайсак»^[6] не лишен был кое-каких относительных достоинств. Роман скрывшего свое имя автора – «Семейство Холмских» имел замечательный успех; в нем попадаются довольно живые картины русского быта в

юмористическом роде; но он утомителен избытыми пружинами вымысла и избытком сентиментальности, соединенной с резонерством.^[7] Марлинский гарцовал в журналах своими трескучими повестями до 1836 года; особо и вполне они были изданы в 1838–1839 годах. Из новых нувеллистов, в начале тридцатых годов, явился даровитый казак Луганский, с своими оригинальными рассказами на русско-молодецкий лад, которые он потом мало-помалу начал оставлять для повести лучшего тона и содержания. Как сказки, так и повести Луганского были плодом сколько замечательного дарования, столько же и прилежной наблюдательности, изошренной многостороннею житейскою опытностью автора, человека *бывалого* и коротко ознакомившегося с бытом России почти на всех концах ее. – Гг. Погодин и Полевой, с особенным усердием принявшие за повести с 1829 года, издали в тридцатых годах собрания этих повестей. В начале же тридцатых годов неожиданно вышла первая часть дотоле никому неизвестных стихотворений г. Бенедиктова, которого талант в стихах – то же, что талант Марлинского в прозе; время уже доказало справедливость приговора, каким встречены были критикою первые опыты г. Бенедиктова.^[8] Но не все критики были так строги к этому блестящему стихотворцу; один московский критик и словесник, притом же сам пиита, объявил, что до г. Бенедиктова поэзия наша (представителями которой, разумеется, были Державин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Грибоедов) была чужда мысли, и что

только в изящных произведениях г. Бенедиктова русская поэзия в первый раз явилась вооруженная мыслию...^[9] – Еще прежде г. Бенедиктова вышел на литературное поприще г. Кукольник с лирическими стихотворениями, драмами в стихах, а потом с повестями, романами, журнальными статьями и проч. В его литературной и поэтической деятельности заметнее всего – усилие обыкновенного таланта подняться на высоты, доступные только гению, и потому если нельзя отрицать в нем таланта, то нельзя и определить степени, характера и заслуг этого таланта. – Мы, может быть, забыли и еще кое-какие произведения, имевшие в то время большой или меньший успех и умножившие собою число интересовавших публику книг; но не обо всем же говорить! Лучше скажем, что князь Одоевский, почти ничего отдельно не издававший доселе под своим именем, с 1824 года постоянно печатал в повременных изданиях повести и рассказы особенного рода, в которых нравственные идеи облекались то в поэтические образы, то в живое слово, исполненное пафоса красноречия... Но о них мы скоро будем иметь случай говорить подробнее.^[10]

С 1839 года в русской литературе совершился заметный перелом. Книжная торговля упала, книг стало выходить гораздо менее, и литература начала казаться беднее прежнего. Пушкин умер, и два года печатались в «Современнике» его посмертные произведения. Это были последние и самые высокие, самые зрелые создания вполне развившегося и воз-

мужавшего его художнического гения. В первом томе «Старших русских литераторов» был напечатан его «Каменный гость» и отрывок из романа.^[11]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Северные цветы» – альманах, издававшийся А. Дельвигом.

2.

Имеется в виду М. Погодин.

3.

Вышел в 1829 году.

4.

«Последний Новик» (1831–1833), «Ледяной дом» (1835), «Басурман» (1838).

5.

«Странник» (1831–1832), «Кашей Бессмертный» (1833).

6.

«Киргиз-кайсак» (1830).

7.

«Семейство Холмских» – роман в шести частях Бегичева (1832, 1833, 1841).

8.

Глубоко отрицательная оценка «Первых опытов»

Бенедиктова была дана Белинским еще в 1835 году в статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» («Телескоп», 1835, т. XXVII. См. т. I наст. изд.).

9.

Имеется в виду статья С. П. Шевырева «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» («Москвитянин», 1843, № 1).

10.

Свое намерение Белинский осуществил через девять месяцев. Его статья «Сочинения князя В. Ф. Одоевского» появилась в «Отечественных записках», 1844, т. XXXVI, № 10, отд. V, стр. 37–54.

11.

«Арап Петра Великого».